

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Мы вправе гордиться, и мы гордимся этим...

Среди книг, запечатлевших великий полог нашего народа в Отечественный войне, есть скромная повесть Бориса Горбатова «Алексей Куликов, боец...». Написанная в 1942 году, она доносит до нас суровую правду тех дней, когда смертельная опасность угрожала самому существованию советского строя, всему тому, что зовем мы советским образом жизни. Герой повести — рядовой солдат, колхозник из Пензенской области, который до войны и политикой-то вроде никогда особенно не интересовался, и колхоз свой, и районную власть чуждым полагал за всякие там неполадки и упущения. На фронте между ним и его однопольщиком Дубягой произошел однажды такой разговор.

Ночью в их полку случилось чрезвычайное происшествие: пропал боец, по всей видимости, перебежал на сторону врага. Трус и шкурник, сам замысливший то же самое, Дубяга пытается оправдать перебежчика, на что Куликов резко ему отвечает:

— А Россию он продал. Продав, сукни сын.

— Так ведь Россия-то... Россия Россия и останется... — самелася Дубяга. — Вот под тарамаи была, а все Россия. Ну, пусть по, немцами...

— А мне не всякая Россия нужна. — зло оборвал Куликов. — Если хочешь знать, я не на всякую Россию согласен. Мне нужна Россия, чтоб был я в ней, как раньше, хозяин на своей земле, и чтоб были колхозы, и если жене рожать. — больница, а сына учить — школа. Советская мне нужна Россия, слышишь? А другой я не хочу, другой и не будет...

Мы не случайно вспоминаем эти твои слова, Алексей Куликов, боец, именно сегодня, когда советский народ и наши друзья во всем мире празднуют День Конституции СССР — самой демократической конституции нашего времени.

Быть хозяином на своей земле! В этом — корень вопроса о подлинной демократии, той демократии, которую завоевали, выстрадали советские люди, которую они ценою огромных жертв и лишены отстояли в суровую годину войны.

Как бы ни расписывали бойкие буржуазные журналисты мнимые прелести западной демократии, как бы ни тилились они набросить тень на наш, советский образ жизни, мы знаем: быть хозяином своей страны, своей судьбы человек может только в том случае, если земля и ее недра, заводы и фабрики, шахты и рудники, банки, транспорт и связь обществены и являются всенародным достоянием; если этим богатствами, всеми творениями человеческого труда распоряжается в своих интересах сам народ, в руках которого сосредоточена вся полнота политической власти в стране. Ведь истинная суть демократии в том, служит ли, отражает ли на деле политическая власть волю и коренные интересы большинства народа, интересы трудящихся.

Путешествуя в прошлом году по Соединенным Штатам Америки, группа советских журналистов посетила Фордовский моторный завод в Блывленде — предприятие, считающееся в США во всех отношениях образцовым. Вот какая беседа произошла у наших журналистов с одним из техников этого завода.

— Зароботок? О, мы зарабатываем отлично, всемиллион — всемиллион пять долларов в неделю, значительно больше, чем на других заводах. Сколько идет на оплату жилья? Да не очень много. Уходит не больше двадцати пяти процентов заработной платы. Налоги? Налоги обыкновенные, двадцать процентов заработной платы, если не считать местных, которые уплачиваются при покупке товаров. Бесплатная медицинская помощь? Простите, что это такое значит? Ах, бесплатные врачи, больницы. Что вы! Это ведь только бедомазные пользуются бесплатным лечением, а слава богу, рабочий человек. Я сам могу заплатить врачу, хотя, надо вам честно сказать, что все врачи — грабители: только заболел, и все твои сбережения перейдут в карман его халата...

— Имеете ли вы оплаченный отпуск?

— О, да, конечно, конечно, наша фирма очень заботится о своих рабочих, и я имею отпуск. Целых семь дней в году. Это мы через профсоюз отговораем, с помощью забастовок. Прощу вас, господа, так и записать: семь дней в год.

Слово «курорт» он не сразу понял. Когда же мы ему объяснили, пишет в своих «Американских дневниках» Борис Полудей, что курорт — это место на озере или в горах, где есть лечебница, куда наши рабочие ездят лечиться и отдыхать, он удивленно спросил:

— А откуда же они берут на это деньги?

Осматривая завод, советские журналисты обратили внимание на то, что все рабочие молчали.

— Вы подметили правильно, — сказал сопровождавший их инженер. Сказал со-

вершенно спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся. — Пожилые рабочие нам не нужны. Изучение показало, что при таких темпах к тридцати пяти годам у человека рефлекторность расслабляется, а к сорока вовсе расстраивается. Мы не можем держать таких рабочих у конвейера. Мы цитируем выше других фирм, и это дает нам возможность выбирать лишь молодых.

Да, на этом, «образцовом» предприятии сегодняшних Соединенных Штатов Америки, самой богатой страны капиталистического мира, рабочий человек к тридцати пяти — сорока годам становится лишним, никому не нужным. Капиталистическое производство выжало из него все жизненные соки, и его безжалостно выбрасывают за ворота завода. Вместе с многими сотнями тысяч таких же обездоленных людей он обречен на скитания по дорогам Америки в поисках работы и куска хлеба.

Для советских людей такой образ жизни, такие порядки — далекие и безвозвратное прошлое. Мы вправе гордиться и мы гордимся своими демократическими завоеваниями, прочно вошедшими в нашу жизнь, в наш быт. Ленин в первые годы советской власти говорил, что внуки тех, кто свершил Октябрьскую революцию, как дикий индеец, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого. Давно и навсегда покончено у нас с частной собственностью на средства производства, с эксплуатацией человека человеком, с ужасами безработицы, с неравенством наций и бесправием женщин — со всем тем, без чего не может существовать капитализм.

Это не означает, конечно, что развитие советского общества, советской демократии протекало без трудностей, недостатков, ошибок. Сегодня мы особенно ясно осознаем эти недостатки и их причины. Наш народ понял и высоко оценил мужество своей Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, открыто и смело сказавшего о вреде, который был причинен культуре личности. Душой и сердцем восприняли советские люди решения XX съезда партии, проникнутой заботой о полном восстановлении ленинских норм нашей общественной жизни, о еще более широком и повсеместном участии масс в управлении государством. Намного возросла сейчас политическая и трудовая активность миллионов советских граждан, открылись новые могучие родники народной инициативы.

При единодушной поддержке народа партия и правительство на деле, шаг за шагом обеспечивают дальнейшее развитие социалистической демократии. В духе ленинских принципов нашей национальной политики расширяются права и компетенция союзных республик, повышается их роль в руководстве народным хозяйством. Передаются тысячи промышленных предприятий в ведение союзных республик, как и перестройка системы планирования, способствует развращению местной инициативы в борьбе за подъем материального благосостояния и культуры советских людей. Крепнущая связь государственного аппарата с массами, день ото дня активизируется деятельность Советов депутатов трудящихся, все более широко развертывается критика и самокритика. XX съезд КПСС одобрил меры, осуществляемые Центральным Комитетом партии и правительством по укреплению и строгому соблюдению социалистической законности. Съезд потребовал не только от органов юстиции, но и от всех партийных и советских организаций решительно пресекать любые проявления произвола и беззакония, укреплять социалистический закон, охранять права граждан, гарантированные Советской Конституцией.

Во все это пытаются скрыть от народов своих стран, извратить и опорочить организаторы клеветнической антисоветской кампании, поднятой буржуазной печатью и радиф, — те, кто вдохновлял разгуд контрреволюционного фашистского террора в Венгрии и агрессивно против народа Египта, те, кто тревожит масштабы нашего шестого пятилетнего плана и успехи на пути его выполнения, те, кому не по душе прямая и честная внешняя политика Советского государства — политика мира и дружбы между народами.

Что же, есть такая поговорка: «От того, что летучая мышь не любит солнца, оно светить не перестанет». У дни везе короткие ноги, а правда о нашей стране, о нашей социалистической демократии шагает широко и неустойчиво. Продолевая грязную саеву лжи и клеветы, она находит доступ к сердцам и разуму всех честных людей мира. Она вызывает у них искреннее восхищение славными деяниями советского народа, впервые в истории человечества строящего коммунистическое общество.

В ОДНОМ РАЙОНЕ

С заместителем председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Акимом Султановым мы встретились вскоре после его возвращения из поездки по районам республики.

— Я расскажу вам о Таузском районе, откуда только что вернулся, — предложила Акима Султанова. — Конкретный пример дает известное представление о культурном росте всей республики.

Человеку, не бывавшему в этом отдаленном хлопководческом районе хотя бы несколько лет, есть чему порадоваться. С каждым годом в Таузском районе увеличивается число школ, клубов, библиотек. Совсем недавно, например, построен отличный районный Дом культуры на 300 мест. На следующий год намечено строительство летнего кино театра, четырех сельских библиотек и еще одного сельского клуба.

Сейчас в Таузском районе насчитывается тридцать клубов и изб-читален, девятнадцать сельских колхозных и школьных библиотек, шестьдесят две школы, шесть пришкольных интернатов, училище механизации сельского хозяйства.

Чтобы эти цифры не казались абстрактными, уместно напомнить, что до революции в Азербайджане из каждых ста человек населения лишь двое умели читать, а в Иране и сейчас 80—90 процентов населения неграмотно.

Азербайджан давно уже стал республикой сплошной грамотности. Один из верных показателей культуры — это все возрастающий спрос на политическую, художественную и техническую литературу. В этом году издательства республики выпустили около восьми миллионов экземпляров книг.

— И еще хочется сказать о людях, — продолжила Акима Султанова, — о кадрах нашей интеллигенции, воспитанных в годы советской власти. Вдумайтесь в такие цифры: в Таузском районе, то есть в одном лишь из семидесяти сельских районов Азербайджана, насчитывается 827 педагогов и 256 медицинских работников. В высших учебных заведениях республики обучается больше студентов, чем, скажем, в Бельгии или Голландии, хотя по количеству населения эти страны намного превосходят Азербайджан. Особенно отрадно, что среди студентов и молодых специалистов много женщин Азербайджан, которые в прошлом были совершенно беспартийны.

Но не только все это, само по себе значительное и радостное, служит полинным мерлом культуры, уровня населения Азербайджана. Особенно показательны те перемены, которые произошли в некогда отсталой полуфеодалной азербайджанской деревне. Ярким примером этого может служить богатая культурная жизнь Таузского района.

Ю. ДАШЕВСКАЯ,
корреспондент «Литературной газеты»

ВЕЧЕР МИРА И ДРУЖБЫ

КИЕВ. (Наш корр.). Со сцены Киевского театра оперы и балета имени Шевченко, пожалуй, никогда еще не звучал голос такой силы. Это был голос многомиллионного украинского народа, который в дни, когда судьбы мира особенно тревожат сердца всех честных людей, сказал свое твердое слово:

— Мы стоим и всегда будем стоять за мир во всем мире, за сотрудничество и добрую волю, за дружбу между народами!

В большом и светлом зале собралось около двух тысяч человек — рабочие, студенты, учителя и инженеры, известные украинские ученые и писатели, гости из зарубежных социалистических стран.

С большим докладом, посвященным борьбе народов за мир и дружбу, выступил член Бюро Всемирного Совета Мира Александр Корнейчук.

С интересом слушал рассказ писательницы Ванды Василевской о встречах с венгерскими друзьями во время недавнего совещания в Хельсинки членов Бюро и Секретариата Всемирного Совета Мира и представителей национальных комитетов сторонников мира.

Слесарь завода станков-автоматов имени Горького А. Суханов от имени трудового Киева передал пламенный привет рабочему классу Венгрии, всем тем, кто борется за мир и светлое будущее. А. Суханов говорит об интернационализме и братской солидарности трудящихся разных стран.

Как бы продолжая эту мысль, доктор филологических наук, заместитель директора института языковедения И. Белодед сказал:

— Как представитель Украинской Академии наук, я могу сказать, что в стенах нашей академии и ее институтов было много делегаций и ученых из великого Китая, стран народной демократии. Были у нас венгерские ученые. И сегодня тревожит сердце — где эти друзья из Венгрии, какова их судьба? Хотелось бы услышать их голос, голос венгерских прогрессивных ученых, узнать, как они помогают Революционному Рабоче-Крестьянскому Правительству Венгрии.

Мир и дружбу посвятивший свои выступления учителю киевской школы № 82 Н. Цыганенко и студентка Педагогического института имени Горького З. Товстолок. Об этом же восторженными строчками своего нового стихотворения говорил поэт В. Сосора.

От имени украинского народа участники вечера обратились с письмом к Центральному Комитету КПСС и Совету Министров СССР, в котором выразили свою единодушную поддержку ленинской политике мирного существования, сотрудничества и дружбы между народами всего мира, которую последовательно и неуклонно проводит наше родное Советское правительство и Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Семен СОРИН

В маргентах сталь варил сталевары,
Литейщики в багровой полумгле
Из этой стали бумки отливали
Для книги — самой яркой на земле.

Под крышами металась гуд высокая,
И пот струился с закопченных лиц —
То кузнецы выковывали строки
Для самых звонких на земле страниц.

Шли трактора распахнутою далью,
Катилась жита за волной волна.
И в книге той слылся с рабочей сталью
Потоки золотистого зерна.

Реваз АСАЕВ

...И снова дворцы и мосты Ленинграда,
Движение улиц, просторных и ровных.
Страна моя, здравствуй! Я знаю, ты рада
Увидеть своих — долгожданных и кровных.

Нас именем, славой твоею встречали,
В Болгарии ждали на каждом пороге.
Слова: — От Москвы до Москвы, — нам стучали
Колеса чужой, иностранной дороги.

В Европе встречались нам разные взгляды:
Один — с теплотой, а иные — с презрением,
Но даже и боги на храмах Эллады,
Как друзья, глядели на нас с одобрением.

Мы видели восемь морей! И ветрило
При нас океан устранил взбучку.
А воды синели, как будто чернила,
Ну хоть за бортом саблявляй авторучку!

Мы лыли под флагом, забывали навек!
Он красным сияньем прочерчивал дали.
Мы даже во сне, сквозь закрытые веки,
Сквозь мгли Отечество наше видали.

НАША КОНСТИТУЦИЯ

Такое не под силу одиночке —
Та книга.

«Блеском недругов слепа,
От первой буквы до последней точки
Срабатана народом для себя.

И не померкнут светлые страницы —
Мы сокрушили недругов сплеча.
В груди народной вечно будет биться
Беспорочное сердце Ильича.

Кузнец кует, колхозник в поле сеет,
Солдат в руке сжимает острый меч, —
Они с великой партией сумеют
Святыню всенародную сберечь!

ОТ МОСКВЫ ДО МОСКВЫ

Команда «Победу» веза с вдохновением,
В морях не путала людей непогода.
Нам были, как Родины сердобюбенде,
Горячие ступи машины теплогода.

Растала Африка в дали широкой,
Исчезла земля португальская — справа;
Нас знойный самум обжигал из Марокко,
Студили ветра скандинавского нравя.

И нежный, как ильон цветущие ветки,
Овел нас ветер, раздувший туманы,
У тех островов, что как давние предки
Земли остринской, зовутся — Аланы.

Салам, дорогие! Отечество, здравствуй!
В гостях нам нехлопо, но даже отчасти
Никто не заменит, ничье государство
Ни нашего дома, ни нашего счастья!

Мы снова с тобой увидали друг друга,
Мы в чувствах своих неизменны и строги.
Слова: — От Москвы до Москвы и до юга, —
Стучат млеи колеса знакомой дороги.

Перевела с остринского Ирина Волобуева.

Нет малых дел

Разговор по душам

В выходной день в квартире рабочего-металлурга на Нижнем поселке Красноармейского района Сталинграда пришла Нина Михайловна Быкова — директор школы № 2.

— Дмитрий Иванович, что с вами стряслось? Почему вас не видно на занятиях? Может, заболели?

— Нет, Нина Михайловна, на здоровье не жалуюсь. Только... такая же рабочая молодежь, когда мне перевалило за тридцать. Дочка в третий класс ходит.

Быковой известно, что Дмитрий Иванович отлично трудится на металлургическом заводе и хорошо зарабатывает. Год он учился в вечерней школе с отличными отметками и вдруг перестал приходить на занятия.

— Зря вы забываетесь обо мне, Нина Михайловна, — говорит Дмитрий Иванович. — Напрасно не отдыхаете в выходной день. Что там в школе учеников, что ли, не хватает?

— Хватает. Я пришла к вам не как учительница, а как представительница советской власти. Говорили мы о вас, Дмитрий Иванович, на постоянной комиссии райсовета. Мыслимо ли советскому человеку с таким малым запасом знаний отказываться от учения? Вы ведь сами замечаете, что на заводе модернизируется оборудование и заменяется новым. Что же будет через пять-десять лет? Отстанет вас.

— Не один я такой. Глядишь, прожью.

— В том-то и беда, что вы не один такой.

Быкова — депутат райсовета, руководитель постоянной комиссии по народному образованию. Она объявила тревогу. Решили, что все четвернадцать членов комиссии пойдут по домам рабочих и вернут их в школу.

Дело оказалось нелегкое. В каждом доме завязывались жаркие дискуссии. В семьях металлургов говорилось о множестве самых разнообразных причин, которые мешают учебе рабочего человека. Один с хозяйством не управляет, у другого... жена с позорением смотрит на вечерние отлучки мужа, третьего оскорбили на производстве, упренулся.

— В школе пятерки гребаешь, а в цехе запорол ценную деталь. Грамотей!

Дом за домом обходили депутаты. Дмитрий Иванович, с которым горячо спорила Быкова, снова начал хорошо учиться. Но как ни странно, самыми «трудными» учениками школы рабочей молодежи оказались рабочие паренки, не обремененные ни семьей, ни хозяйством.

Вот слесарь Вася Д. Он только в прошлом году впервые стал работать. Оделся с иголочки, залюбил шапку накершень и «вышел в свет». И вдруг комсомольская организация вялая и «усадилась за букварь».

Школа вечерняя, а вечером-то Васе хочется сходить во Дворец культуры, в парк или на берег Волги. Там его ждет нормированная Катя. И женщины-депутаты взяли за Васю:

— У Катю среднее образование, а у тебя что? Ты же отсталый человек.

И им удалось вернуть Васю Д. в вечернюю школу.

Хочется от души пожелать депутату Быковой и ее коллегам дальнейших успехов в этой важной и полезной работе.

И. ЕГОРОВ

Депутатские будни

Эти заметки хочется начать со справки: коллектив завода «Красный Дон» четыре раза выдвигал знатного кузнеца Григория Иосифовича Сивашева кандидатом в депутаты Ростовского городского Совета, а трудящийся 285-го избирательного округа единодушно отдавали свое свое голоса. Большая честь удостоиться такого высокого доверия народа!

Много полезного и нужного для избирателя сделал Сивашев за эти годы.

Есть в городе Покровский переулок. От улицы Эльгельса он круто спускается к самому берегу Дона. Трудно было людям подняться и спускаться по этому переулку осенью и зимой. Избиратели дали наказ депутату: добиться асфальтирования переулка. Казалось, дело непростое, а сколько потребовало оно усилий.

— Пришлось обходить и районные и городские организации, — вспоминает Григорий Иосифович. — Мои ходатайства поддержали заводская партийная и профсоюзная организации. И дело сдвинулось с места. Переулок этот асфальтирован.

— Я вам расскажу о водопровод в Дачном поселке, — говорит модельщик завода «Красный Дон» тов. Сысуев. — К этому делу наш депутат тоже свою руку приложил.

На прием к депутату пришла несколько рабочих «Красного Дона», живущих на городской окраине, и сказали Сивашеву:

— Хоть ты, Григорий Иосифович, и не от нашего округа в Совет выбрался, но должен нам помочь. У нас на весь поселок всего один колодец. Надо провести водопровод, колодки построить, облегчить людям жизнь.

Депутат пошел в райполком, потом в трест «Горводпровод», выступил на сессии Горсовета. И вот на улицах появились водоразборные колонки.

— Обязательно напишите и о том, — просил меня слесарь тов. Колесниченко, — как наш депутат помог получить участки под застройку домов.

Я прошу Григория Иосифовича рассказать об этой помощи. Он смущенно разводит руками: обычная мол, история, обычные депутатские будни... Группа рабочих завода «Красный Дон» решила построить собственные дома — написали об этом заявление в райполком и просили выделить земельные участки.

— И тут завертелась карусель, — говорит Сивашев. — Кто-то и почему-то стал затягивать рассмотрение просьбы рабочих. Ходят люди в райжилуправление, в райполком, в сельхозотдел горисполкома, а толку добиться не могут. Пришлось все вмешаться. Вот и все. Конечно, это далеко не все. Сивашев не рассказывает, где и у кого пришлось ему побывать на приемах, чтобы добиться решения о выделении участков под застройку. Он подводит лишь итог: Колесниченко уже построил дом и новоселье справил, а модельщик Сысуев заканчивает строительство. Строит дома и еще пять рабочих «Красного Дона».

В депутатских буднях народного избранника есть много на первый взгляд мелких и незаметных дел, которые криво интересуют избирателя. Судьбыми и интересами своих избирателей живет депутат Сивашев.

В. ПОНЕДЕЛЬНИК
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Хороший почин

День для председателя колхоза имени Ордоникидзе Николая Константиновича Вишнякова начался неудачно. Не успел он отправить последнюю машину в районный центр за строительными материалами, как позвонили с железнодорожной станции: — Немедленно вывозите удобрения. Если сегодня не заберете, будете платить штраф.

И хотя до районного центра всего сорок километров и машина за день легко могла бы сделать два рейса, председатель хорошо знает, что раньше завтрашнего дня ее возвращения ждать нечего, — ведь там в районных торговых организациях свои порядки. Сначала шофер должен найти заведующего районным торговым отделом (без его визы с базы райпотребсоюза ничего не выдается), потом заведующий райторгделом будет звонить на базу райпотребсоюза, чтобы удостовериться, есть ли на базе эти самые материалы. Потом...

— И зачем это нужно? — размышляет Николай Константинович. — Только пустая волокита. Придется платить штраф железной дороге.

И вдруг в дверях преддательского кабинета показался шофер Иван Грошев, тот самый, который поехал в районный центр.

— Ты откуда? — удивляется Вишняков.

Из Смоленского, матери привез.

— Да как же это ты так быстро обернулся?

Шофер охотно рассказывает «секреты»: в райполкоме проведена реорганизация, ликвидированы штатные издательства. Теперь можно обращаться прямо на базу и получать там товар без всяких ненужных бумаг и виз.

Горчико одобряют в Смоленском районе это начинание. Опыт показал, что нет надобности сохранять отдел там, где функции его при правильном распределении

обязанностей выполняются отдельными работниками.

Есть в районе Айнуйская неполная средняя школа. Из года в год поругивали ее на районных совещаниях. Поругивали, а помощи не оказывали. Приехал туда впервые в начале учебного года инспектор Никита Григорьевич Циль. Побеседовал с учителями, с директором, «отметил» недостатки.

— Промахи вы видите, — сказал ему учитель, — а вот помочь по-настоящему не можете. Придете на один день, а потом мы вас опять год не увидим.

Однако на этот раз они оказались не правы. Действительно, раньше Никита Григорьевич бывал в школах не чаще одного-двух раз в год. Когда он работал в районе, ему приходилось заниматься хозяйственными делами, вести сложную отчетность. Теперь все хозяйственные дела, финансы и отчетность переданы другим отделам. Инспектор школ имеет возможность проводить все свое служебное время там, где ему и положено, — в школе.

Плодотворное влияние перестройки работы Советов сказывается на всем — на медицинском обслуживании населения, на сроках прохождения жалоб, которые сократились почти в два раза, и на многом, многом другом.

Эта реорганизация, проведенная полугода назад, позволила уменьшить аппарат райисполкома на пятьдесят человек. Одна только экономия на заработной плате составила внушительную сумму. Эти деньги пошли на строительство электростанции и школы, на благоустройство районного центра.

Сейчас, по примеру Смоленского района, перестройка областного аппарата проведена во всех районах Алтай. Это высвободит около трех тысяч служащих и даст государству несколько миллионов рублей экономии.

М. ЮДАЛЕВИЧ
ВАРНАУЛ

Новые дома

Шулявка, Соломенка, Демиевка... Странно звучат теперь эти названия бывших киевских окраин. Даже старожилы, которые любят вернуть при случае какою-нибудь старинное наименование улиц, и те не могут назвать Шулявкой то, что теперь именуется Октябрьским районом. Давно уже район этот превратился в один из индустриальных центров украинской столицы, где рядом с корпусами заводов выросли кварталы жилых домов. А строительство все идет и идет.

В нынешнем году в район намечено ввести в эксплуатацию 28 тысяч квадратных метров новой жилой площади. Недавно рабочие и служащие завода «Красный экскаватор» въехали в пятиэтажный дом, выстроенный на Старо-Итормирской улице. Заселен четырехэтажный дом на улице Володарского. В эти дни велись в 52-квартирный дом на Гарматной улице семья товарища Ф. Ткаченко, слесаря И. Плахотного, монтажника И. Шпанько и других рабочих и служащих предприятия треста «Укрстробмеханизация». Они будут праздновать новоселье в День Конституции.

Мы были в исполкоме Октябрьского района в тот день, когда началось заселение дома № 7 по Гарматной улице.

— Наконец то заселили, — облегченно вздохнул за-

меститель председателя исполкома Гайдидай.

— Значит, немного легче стало? — спросил я.

— Какое там легче! — быстро ответил он. — То есть в какой-то степени, конечно, легче, но ведь потребность у нас огромнейшая! Строек, стром, и все мало. А тут еще строители срывают сроки, отстают...

Что же делают исполком, депутаты, чтобы ускорить дело?

В районе сейчас строится еще 15 новых домов, которые вот-вот должны быть закончены. Контроль за ходом строек взяли на себя депутаты.

Рабочий И. Вонокос следит, например, за окончанием строительства жилого дома в поселке Сырец, у инженер Г. Макаруна — другой объект, у преподавателя Политического института В. Манжуристна третий. Каждый из 13 членов строительной комиссии — человек опытный, знающий строительное дело. Депутаты вынюхают во все детали, придиричиво проверяют качество работ.

— И, знаете, помогает, — говорит А. Гайдидай. — Одно дело, когда на объекте находится представитель «заказчика», другое — когда туда приходит депутат, так сказать, представитель будущих жильцов, с нетерпением ожидающих дня сдачи дома.

К. ГРИГОРЬЕВ
КИЕВ

Вручение орденов СССР

Вчера, 4 декабря, в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил ордена группы награжденных видных деятелей литературы, искусства и архитектуры.

Ордена Ленина были вручены писателю Н. С. Тихонову и композитору Д. Д. Шостаковичу. Ордена Трудового Красного Знамени были вручены архитектору А. Я. Лангману и поэту П. Г. Антокольскому. Орден «Знак Почета» был вручен писателю М. А. Шалаеву.

От имени награжденных со словами благодарности партии и правительству выступил Н. С. Тихонов.

К. Е. Ворошилов тепло поздравил награжденных с заслуженными наградами и заявил, что партия и народ высоко оценивают творческую деятельность работников литературы, искусства и архитектуры и призывают их отдать все силы и знания на благо нашей Родины.

НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

С Борисом Федоровичем Гогопольским, воспитателем молодежного интерната № 1, мы договорились встретиться у проходной Челябинского трубопрокатного завода.

Пока мне выписывали пропуск, Борис Федорович вполголоса разговаривал с высоким молодым человеком в потертом ватнике, в шегольской цигейковой шапке, открывавшей красивый выпуклый лоб. Парень слушал воспитателя внимательно и смущенно, яркие пятна то загорались, то гасли на его широких обветренных скулах.

Судя по всему, разговор этот был для него неприятен.

На заводском дворе казалось празднично и просторно от только что выпавшего снега, освещенного косыми лучами ноябрьского солнца.

Снег смыл с асфальта резкие контуры заводских корпусов, заботливо и нежно прикрыл хрупкую наготу молодых тополей и березок.

— Где-то я читал, — задумчиво сказал Гогопольский после беседы, — кажется, у Макаренко, что воспитатель не может жить на поводу у фактов, какими бы убедительными они ни казались.

Он должен видеть в человеке то, чего тот и сам порой в себе не замечает. Взять хотя бы этого парня, с которым я встретился в проходной.

Если судить о нем по отдельным поступкам, то какие ярлыки можно было бы при желании на него навешать.

Между тем человек он трудолюбивый, совестливый, видел, как краснеет передо мной? Это он за вчерашнее, выпил на пятках, а накурлось на весь рубль.

Недавно в минуту откровенности он меня попросил: «Помогите стать хорошим человеком, ни в чем не давайте мне спуску».

Худощавое лицо Бориса Федоровича осветилось мягким светом улыбки: — По моему, ничего не может быть лучше, чем работа с молодежью, — сказал он убежденно и горючо.

У входа в механический цех, куда мы, собственно, и направлялись, Гогопольский пообещал: — Сейчас я вас познакомлю с Борисом Петровичем Марковым. Любопытный человек, вот увидите.

У слесарных тисков стоял невысокий, худощавый юноша лет шестнадцати. Его лицо, густо обрызганное мелкими золотистыми веснушками, было по-детски доверчиво и открыто.

— Марков, — коротко представился он мне и, чтобы скрыть охватившее его смущение, низко склонился над тисками.

— Как работаете, Боря? — спросил его Гогопольский, указав на матово поблескивающие детали.

Юноша ответил с затановленной гордостью: — Вот, смотрите, это я сам сделал. Борис Федорович бережлив, словно это была не прочная сталь, а хрупкое стекло, вялая в руки детали: — Молодец, хорошо у тебя получается.

Этак ты скоро из учеников в слесаря шагнешь!

Лицо юноши просияло: — Обещаю пробу на днях дать. Вот только не знаю, выдержу ли.

— Обязательно выдержите! Гогопольский сказал это так уверенно, что легкое облачко, показавшееся на живом лице ученика, мгновенно растаяло.

Пока мы шли по широкому цеховому проходу и поднимались по лестнице к началу механического цеха В. Смирнова, Борис Федорович рассказывал мне о Маркове.

Однажды, было это месяца четыре назад, заведующая интернатом Вера Владимировна Чернышова сказала Гогопольскому:

— У нас новенький из детского дома, поговорите с ним, он все молчит и молчит. С чувством много пережившего человека, испытывающего скуку, ласку детдомовского коллектива и шедшую помощь комсомола, Борис Федорович расгадал причину этой замкнутости.

Юноша, почти еще мальчик, впервые в жизни оказался в новой для него среде более взрослых и уверенных в себе людей,

много знающих, много умеющих. К тому же он был чрезвычайно застенчивым, и первое, что было необходимо сделать, это дать почувствовать ему, что большое обещание станет для него отныне тем самым домом, где о нем будут заботиться.

Гогопольский стал часто заглядывать к юноше, приносил книги и шахматы, расспрашивал о делах. С мягкой настойчивостью заводил речь об учении, — ведь чуть ли не половина живущих в интернате молодых рабочих учится на различных курсах, в школах рабочей молодежи, в техникумах и институтах.

Разве Марков не может, так же как другие, совмещать работу с учением?

И вот Марков учится в шестом классе вечерней школы.

Начальник механического цеха Валерий Васильевич Смирнов не только не удивлялся, но и обрадовался приходу воспитателя.

— У меня есть для вас добрая новость: Боре Маркову мы решили разряд присвоить...

На огонек беседы пришел секретарь цехового партбюро А. Г. Васильев. Он покоебно заговорил о молодом рабочем В., который частенько стал выпивать.

Поведение В. серьезно тревожит и работников интерната. С тех пор как у него появились новые друзья, молодой человек стал неузнаваем, развязные манеры, свертословие. И слова и поступки — все не свое, все с чужого плеча.

Внимательно вглядываясь в лицо начальника цеха и секретаря партбюро, Борис Федорович подробно расспрашивал, как ведет себя В. в коллективе, как относится к работе и товарищам, и в свою очередь делился своими наблюдениями, мыслями.

Долго дались этот разговор. Три старших товарища советовали, как помочь молодому человеку избавиться от дурного влияния, как пробудить в нем чувство ответственности, как убедить, что она влечет за собой.

— Понимаете, нужно, чтобы в человеке всегда было сознание собственной ответственности, — говорил мне позднее Борис Федорович, — без этого жизнь станет пустой, неинтересной. Признаюсь вам, что ежедневное общение с молодежью, все хлопоты, заботы, даже огорчения стали для меня просто обязательными.

Вот только педагогических знаний маловато, — с грустью добавил он. — Но знаете, что мне помогает? Опыт политработника. В армейских условиях, на войне тоже ведь больше с молодежью приходилось работать. И там в каждом солдату требовался особый подход.

С одним налом было о положении на фронте поговорить, с другим — о вылазе на урожай где-нибудь в Сибирии или Казахстане, а третий достанет, бывало, из нагрудного кармана фотографию своей девушки и спрост с тоской и надеждой: — Как вы думаете, товарищ подполковник, дождется она меня или нет?

Молодежный интернат, в котором работает воспитателем подполковник в запасе Б. Ф. Гогопольский, — лучшее среди обшественных Челябинского трубопрокатного завода.

В интернате я не первый раз. И каждое посещение вызывает во мне ощущение полноты жизни и ту особую, ни с чем не сравнимую радость, которую приносит встреча с хорошими, интересными людьми.

Здесь, в атмосфере взаимного уважения, строгой требовательности и душевной отзывчивости, каждый человек, — словно яблоко на ладони, и все, что есть в нем хорошего, становится как бы выпуклым.

Мы сидим в красном уголке и неторопливо беседуем с одним из зрелых старших товарищей.



Борис Федорович Гогопольский среди молодых рабочих
Фото П. Щучкина

жилых, которого и товарищи и воспитатели зовут «наш Иванко».

— Это фамилия у меня такая, — во избежание неточности поясняет молодой человек. Он настроен сегодня как-то необычно, даже торжественно. В руках у него обернутая в газету толстая книга.

— Пришел сдать перед отъездом. — Куда вы едете? В отпуск? — Нет, на действительную службу.

Взгляд молодого человека становится сосредоточенным, уходит вглубь. Резким движением Навиванко откидывает со лба светлые волосы, спрашивает: — Как, по-вашему, если человек просит, чтобы ему писали, значит, эти письма ему интересны?

Получив подтверждение, он удовлетворенно кивает головой: — Я тоже так понимаю. Борис Федорович, воспитатель наш, сказал, чтобы я ему непременно писал. Признаться, я полагаю, что моему отъезду здесь обрадуются. Уйму хлопот я всем доставил. Характер у меня какой-то угловатый.

И уже совсем иным, звенящим голосом проговаривает: — У нас воспитатели — подполковники. И Борис Федорович и Петр Никитич — оба командиры: один в запасе, другой в отставке. По их положению можно бы и на отряд или на кабинетную работу. Нет, они в самую рабочую гущу пошли. За это их все у нас одобряют.

Приход Бориса Федоровича прервал лирические рассуждения Навиванко. Он вдруг, ни к тому ни к сего, застучался и, не дав книги, вышел из красного уголка.

Существует мнение, и сожалению, распространено, что воспитатель в рабочем обшестве — фигура прекопальная и необъятальная.

Все зависит от того, кто является этим воспитателем. И если им окажется человек с большой душой, с огромным жизненным опытом, то он непременно станет самым необходимым человеком, душой коллектива, другом и наставником молодежи.

Мне думается, что именно таким человеком стал для многих молодых рабочих В. Ф. Гогопольский. Вместе со вторым воспитателем Петром Никитичем Тихачевым, заведующей Верой Владимировной Чернышовой и другими работниками интерната он незаметно, умеленно делает большое дело, отдавая молодежи все, чему научился его жизни, весь тот заряд сердечного тепла и энергии, которые получили им за многие годы безупречной службы в рядах Советской Армии. А любить людей и верить в них Гогопольского научила Коммунистическая партия, в рядах которой он состоит уже около двадцати лет. В трудовых поисках пути к человеческому сердцу видит Борис Федорович основной смысл своей работы.

В большие революционные праздники Б. Ф. Гогопольский и его коллеги П. Н. Тихачев приходят в интернат в парадной форме подполковников. Ярким блеском горят на их груди ордена и медали, которыми Родина наградила своих сынов за ратные подвиги. Молодые рабочие тесным кольцом обступают своих воспитателей и просят: — *который уж раз! — рассказать, за что получили тот или другой орден.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

МАИ стоял на редкость теплый. Густыми шатрами раскинулись в дворцовых парках столетние липы, буйно зеленели газоны, без умолку чиркали громкие воробьиные стаи, и простенные, выходящие в памяти раздожде дуговызылки, погружаясь на припек, беспрерывно садилась отдохнуть на партерные плечи Афродит и Аполлонов в Летнем саду.

Связь камней, гранит и булыжники столы — всюду пробирались весна!

— Поведем нам! — говорил Анатолий Ванев, лежа на широком подоконнике и с высоты четвертого этажа наблюдая знакомую жизнь вечернего двора, похожего на темный и темный колодезь, на дне которого коппились хилые, как былинки, дети, судачили возле черных лестниц куражи и очумело бродили пьяные от весны коты.

— В чем же именно нам поведем? — спросил недовольно Сильвин, уставший бесцельно шагать вдоль вытянутой, как коридорчик, узенькой комнаты, где едва умещались две кровати с толстыми тюфяками под байковыми одеялами да просторный деревянный стол, покрытый клеенкой.

— Тепло пришло ко времени! — Тепло-то тепло, а предчувствия у меня самые мрачные, — проворчал Сильвин. Он вышел из комнаты и для разнообразия прогулялся по квартирам холцев, громко хлопая дверями: кабинет, гостиная, спальня, спущенные шторы, запах нафталина, мебель в чехлах.

— Все еще не видеть? — озабоченно спросил он, возвращаясь к себе и заставшая Анатолия по-прежнему на подоконнике. — Уж не страшно ли чего? Анатолий, что-то я приуныл.

— Занился бы лучше хозяйством, чем глушеיים свои настроения слушать, — хладнокровно ответил Ванев.

Они жили вдвоем и хозяйство вели на кооперативных началах.

Они вместе приехали в Петербург весной 1893 года, оба из Нижнего-Новгорода. Они оба, еще со школьной скамьи, были членами нижегородской марксистской группы, вместе изучали «Капитал» Маркса, читали Плеханова, мечтали о подвигах, революционной борьбе и только ждали, когда наступит пора настоящего дела.

Здесь, в Петербурге, эта пора наступила.

В Петербурге Сильвин и Ванев сняли на Садовой общую комнату, и разве учились врозь — Ванев в Технологическом, Сильвин — в университет, — а вся остальная жизнь, книги, мысли и друзья, пропаганда марксизма в рабочих кружках, работа в организации, которая ошутимо для всех создавалась Владимиром Ильичем, — все было общим.

— Вот тебе и предчувствия! — прыгнула с подоконника, вдруг воскликнул Ванев. Он схватил брошенную на спинку кровати студенческую туфурку и, натягивая ее на ходу, с трудом поспевая в рукава, побежал в переднюю испускать в дом Степана Ивановича Радченко, приход которого они с Сильвиным караулили добрых четыре часа.

— Как? Уже? — растерялся Сильвин, застигнутый врасплох, хотя давно, изнывая от тревоги, считал каждую минуту опоздания Радченко.

«О! Души отлетело».

Их с любовью гимнаста, неожиданной для его плотно сбитой и не очень гибкой фигуры, Сильвин в два скачка обогнал Ваневе и раньше, чем зазвенел колокольчик, распахнул настежь дверь.

Можно подумать, Радченко собрался с визитом к директору департамента или по крайней мере завода, где служил инженером, так элегантен был его вид: шелковая шляпа, черная разлетайка, — и только, пожалуй, шегольской чеподанчик в руке не вполне подходил для визита.

— Хозяин просит дорогих гостей... — дьявольским басом запел Сильвин на весь хол, немилосердно фальшивая.

«Одни в квартире», — понял Радченко. Он опустил чеподанчик на пол, снял шляпу и с наслаждением обмахнул ею разгоряченное лицо. Сильвин приподнял чеподанчик.

— Тяжеленький! — Не стоишь жежд, сколь опасен, — усмехнулся Радченко. — Лестница у вас неприятна. Известно: провалы случаются в самый последний момент. Где хозяйева? — Люблю грозу в начале мая...

Радченко с любопытством поглядывал на Сильвина, который предпочитал сегодня объясняться стихами и ариями.

— Если так, давайте сразу за дело, — сказал Радченко. Они вернулись в комнату. Радченко открыл чеподан. Сильвин и Ванев ждали над ним наклониться. Чеподанчик, такой легкомысленно шеголеватый на взгляд, был тут набит гектографированными листами, при виде которых у всех невольно стеснилось дыхание, — скромненькие, с ялявото-синими тесными строчками, тетрадного формата странички!

Некоторые время они смотрели на эти странички молча, Радченко взял заглавный лист.

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)». Выпуск 1».

Он передал лист товарищам, каждый подержал его в руке, перечитывая синие строчки.

— Кто печатал? — ревниво спросил Сильвин.

— Надо освободить чеподан, — сказал Радченко. — А задержался я, знаете... рыцет какой-то козославыи тип возле дома. Магомет его знает, что он вымарывает... Они стали вылаживать листы на кровати. Листы, казалось, распахали, росли, как опара, а Радченко выгребал из чеподана все новые: кто-то изрядно потрудились на гектографе!

— Интересно все-таки, кто? — повторил Сильвин.

— Поражаюсь, — сказал Ванев, взяв снова синенький заглавный листок. — Поражаюсь, как у Владимира Ильича хватает сил и энергии! Откуда он берет время, чтобы вести столько кружков, читать лекции и рабочим и нам и как раз в самый момент, когда это решительно нужно, создавать программу! Ведь это программа практического социализма. Не так ли?

НАЧАЛО

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

М. ПРИЛЕЖАЕВА

— Именно так, — подтвердил Радченко, захопленный пустой чеподан. — Не вообразайте, что я вам притащил все листы. На сегодняшний вечер хватит. Ванев! Встреча утром в Технологическом. Люди ждут книгу.

И он их покинул, с легким сердцем сбегая по лестнице, пустынные площадки которой и обшарканные крутые ступени не внушали сейчас никаких подозрений.

— Дело за нами, — сказал Ванев, когда они остались вдвоем. — Статья написана. Отпечатана. А превратил ее в книгу надлежит нам с тобой, Михаил.

Он сбросил туфурку и засучил рукава. У него были худые длинные руки, он поморщился бескровной их белизне.

— Начнем, Михаил? — Мне кажется, — неуверенно возрадил Сильвин, — мы с тобой помираем от голоду.

— Ну, знаешь ли... — выпыхнул Ванев. — Это уж слишком! Надо было позаботиться раньше.

— Да когда же? Ведь кусок в горло от беспокоества не лез. Посуди сам, когда? — взмолился Сильвин.

Ванев нехотя слася, — Ладно. Давай ужинай.

Впрочем, он вспомнил, что они действительно не успели сегодня пообедать, и почувствовал ту тягучую неприятную плочность в ногах, от которой лоб у него вдруг покрывался холодной испариной.

— Я колбаски припас да фунта два пеклеяного хлеба. На закуску халва. Как бы ты существовал без меня в этом материалистическом мире, неменьше созданы! — разгалтовывая Сильвин, любивший обстоятельно и со вкусом поест. — Эх, пивца бутылочку упустил из виду купить.

— Пивца! Перед таким делом? Михаил, ты понимаешь, что говоришь?

Сильвин смутился; он сашком хорошо созвнал свою ординарность по сравнению с другим, которого верю любил, но в душе считал немногом фанатиком, а главное — существом «неземеиным».

— Ну, сблэтуна, Казните презревнем Лукулла.

Они поели на кухне стоя, наспех глотая колбасу и халву.

— Радченко молодец! — говорил с набитым ротом Сильвин. — Так организовать печатание! Ума не приложу: где, когда они справились с ним? Конспиратор отменный!

Однако пора.

Они задернули окна шторами и зажгли в комнате лампу. Им предстояло разобрать и сложить по порядку листы и сброшюровать, то есть пошурстовать.

Они покосились между собой ворох листов и, расположившись каждый на своей кровати, занялись работой.

Первая страница, вторая, третья, четвертая... Брошюра собрана.

Снова первая, вторая, третья, четвертая... Брошюра!

Раговаривать нельзя, сообщаем со счета. Сиди, согнувшись, считай. Первая страница, вторая, третья...

Сильвин, который при своих цветущих румянцах щеках телом был, как говорит, несколько смр, часа через два почувствовал ломоту в спине и неодолимо желало выпростаться или, если лучше, несколько минут полежать. Он с участием поглядел на Ваневе. Ванев, неславно шевеля губами, считал странички, но поднимая голову, и только время от времени коротко кашлял в кулак.

Вокруг — на полу, на кровати, на стульях — лежали собранные стопки страниц, их было уже много, но не считанные странички не убавали. Невероятно — их становилось все больше. Комната превратилась в бумажное море. Кажется, качаясь душные волны и сухо шуршат. Стало жарко.

— Стой! — сказал Сильвин. — Мы с тобой неверно работаем.

— Почему? — удивился Ванев. — Хитришь, Михаил. Тебе просто хочется передохнуть. Ты ленив, Сильвин, — говорит, улыбаясь, Ванев, но губы у него голубовато-бледные, как будто их слегка подсыпили. «Славный Ванев, дружище! Есть ли еще человек, который был бы так равнодушен к себе? Но кашель той...»

— Во-первых, к черту шторы! — решил Сильвин, распахивая окно. За шумом белая петербургская ночь. Тихий свет разлился по комнате, вошел холодок, живительная, чудесная свежесть!

— Во-вторых, надо разнообразить работу. Мы достаточно собрали брошюр. Будем шивать.

— Ты прав. Будем шивать, — согласился Ванев. Он поднался, потягиваясь. Как приятно потянуться и закрыть на секунду глаза! Внезапно к горлу у него полстнула дурнота, и он качнулся. Это все оттого, что они закупились в своей клетке, так что даже лампе нечем дышать! Пустяки, обойдется.

— Надо спешить, Михаил.

дуг читать, передавая друг другу, и странички не рассыпаются.

— Что ты скажешь, Анатолий, издана книга?

Они с изумлением и нежностью смотрели на тоненькую синюю брошюрку, которая казалась им чудом. Как-никак в нее вложена и их доля труда.

— Анатолий, а теперь отдыхай!

— Нет. Сначала сошьем все, что собрано.

— Воля твоя, Анатолий, пора бы отдохнуть.

— Ничего. Поработаем.

Они шивали брошюру за брошюрой и складывали в стопку под пресс. Сильвин разыскал в кухне уют, странички послушно под утюгом обмякли, плотно прилегая друг к другу, брошюрки принимали складный и аккуратный вид.

— Уж очень орудия производства у нас примитивны. В дальнейшем надо изобрести что-нибудь, — заметил Ванев.

— Да. Если придется много брошюровать.

— Надеюсь, придется.

Наступил тот час ночи перед утром, когда мучительно клонит ко сну, гулко звенит в ушах тишина, тело безвольное, обмякая, как вата, движения вялы.

Преимущество этой работы в том, что можно все-таки перемолвиться словом.

— Как ты рассуждаешь, Анатолий: побываем летом на Волге? — мечтательно спросил Михаил.

— непременно! Вместе.

— Помнишь, ва Волгой стога? Помнишь, Анатолий, какое очарование, какая неизъяснимая прелесть в заводских лугах, когда они сошены и вдруг стали просторны, задумчиво тихи. И стога... И безвольные. Черт! Обидно, что мы с тобой не умеем писать стихи.

Прошел еще час.

— Баста! — сказал наконец Сильвин, взял утюг и сделал несколько медленных тяжелых движений, выкидывая руку вперед. Гимнастика мыши.

— Баста. Будем пить чай.

Он сходил в кухню вскипятить на спиртовке чайник и принес Ваневу стакан черного, как деготь, сладкого чаю.

— Пей, аула.

Ванев пил, обжигаясь, и с лихорадочным блеском в глазах оглядывал спитые брошюрки и кипы несобранных страничек на кроватках.

— Слишком медленно у нас движется дело.

— Терпение, Анатолий. Не на один день работа.

Они возобновили работу. И снова: первая страница, вторая, Шестел бумаги.

К утру они проголодались. Но колбаса была съедена.

— Пошарить у хозяйки в буфете? — спросил Сильвин.

— Ерунда. Перетерпим.

— Ты потерпелся! Дотерпелся ты, погоди! — грозно рявкнул Сильвин. Но в буфете в хозяйке не пошел.

Чествование акына

На родине одного из старейших акынов Киргизии Абдыкалыка Чоробаева — в колхозе «Первое мая» — состоялся юбилейный вечер. Земляки, представители обшественности области, писатели, приехавшие из столицы, республики, чествовали народного певца в связи с шестидесятилетием со дня его рождения.

Торжественный вечер открыл писатель К. Маликов. О жизни и творчестве акына рассказал У. Джикишев.

Сын бедняка-скотовода, Абдыкалык Чоробаев с юных лет занимался песенным творчеством. Он одним из первых в горном крае воспел приход Великого Октября.

Сейчас готовится к изданию сборник произведений акына.

Писатели Украины повышают творческую активность

Писатели-коммунисты Киева собрались, чтобы обсудить задачи партийной организации в деле дальнейшего улучшения творческой работы и идейного воспитания писателей. С докладом выступил секретарь партбюро Союза писателей Украины Юрий Збонащаный.

Докладчик и выступавшие говорили об успехах, достигнутых трудящимися Украины, которые вместе со всем советским народом напряженно борются за выполнение решений XX съезда Коммунистической партии, отмечали заметный подъем творческой активности украинских литераторов, появление новых интересных произведений. Украинские писатели готовят достойную встречу знаменательному событию в жизни нашей страны и в истории всего человечества — 40-летию Советской власти.

В докладе и многих выступлениях подчеркивалось, что успешное развитие творческого процесса зависит от того, как будет вестись дальнейшая борьба с элементами бюрократизма, разволочия, косности, которые и до сих пор имеют место в нашей работе, в нашей жизни. Особое внимание обращали ораторы на то, чтобы усилить бдительность, дать решительный отпор отдельным гнилым элементам, которые, прикрываясь необходимостью борьбы с последними, кульба личность, пытаются проталкивать чуждые политике партии и народа теории, зачеркнув достижения советской культуры, ренновать метод социалистического реализма.

В республике идет большая работа по улучшению изучения и преподавания украинского языка. В этой работе активно участвуют украинские писатели. Но при этом отдельные литераторы допустили вредные антипартийные высказывания, которые собрание подвергло острой критике.

Большой выразитель народной дум — высокое призвание каждого литератора, — сказал в своем горячем, взволнованном слове Микола Бажан. — В нашей жизни это значит проносить в самую сущность явлений, фактов и событий, захватывая читателей правдой художественного слова, правдой своих чувств.

чувств. Вот здесь, на собрании, — 132 человека, разных по возрасту, разных по своему вкусу, но единых в своих патриотических стремлениях верой и правдой служить Коммунистической партии, своему великому народу. Только этот писатель сразу же находит путь к сердцу читателя, который помогает людям разобраться в жизни, заставляет любить все хорошее и прогрессивное, ненавидеть отжившее и реакционное. Эти качества особенно необходимы теперь в наши дни, когда международная реакция поднимает голову, когда она развязала кровавую авантюру в Египте, пыталась осуществить контрреволюционный перенорот в Венгрии, ведет бешеную провокационную кампанию против прогрессивных демократических организаций Франции. В свете этих событий каждый писатель, а тем более писатель-коммунист, должен быть на передовой линии борьбы народов за мир. Его художественное слово должно быть насыщено пафосом великих коммунистических идей. Каждый из нас должен ощущать плечо своего товарища, быть особенно бдительным к любым проявлениям растленной буржуазной идеологии.

От имени писательской организации Украины Микола Бажан заверил Центральный Комитет, что украинские писатели, сплоченные вокруг Коммунистической партии, с честью оправдают высокое доверие партии и народа.

Об идейной чистоте украинской литературы, о ее неразрывных связях с литературой русского народа и всех других народов Советского Союза говорил Павло Тычина. Он подчеркнул, что в наши дни враги совет

Казахская поговорка «Венец искусства — искусная речь» прекрасно выражает уважение народа к слову, к поэзии, к литературе. Казахскому народу есть чем гордиться и в устном поэтическом и письменном литературном наследии и творчестве советских писателей республики.

В литературе Казахстана возникает сейчас много новых и важных тем. Стихи и очерки о покорителях целины публикуются на страницах республиканских газет и журналов, некоторые произведения на эти темы, например, книга очерков И. Шукова, сборник стихов С. Мауленова «Новая весна» изданы в Москве, в будущем, очевидно, таких произведений появится еще больше — над ними работают многие писатели Казахстана.

Писательскую организацию республики волнуют большие проблемы литературы. Очевидно, дискутируются на страницах литературной газеты «Казах алдыбеті» вопросы литературного и культурного наследия.

В Казахгосиздате в 1958 году издано и подготовлено к изданию немало художественных произведений. Вышла в свет вторая книга романа М. Ауэзова «Путь Абая» на казахском языке, завершающая цикл романы писателя о казахском народе и его великом поэте. Продолжается издание на казахском языке произведений писателей и поэтов республики — К. Аманжолова, И. Байзақова, Н. Бекнежанова, С. Муканова, Г. Мурзепова, А. Токмагамбетова. Читатели уже познакомились со сборниками рассказов С. Бегалина, Н. Габдуллина, М. Гумерова, стихами и поэмами А. Сарсенбаева, С. Сейталина, И. Махметова, Н. Шакинова и других.

Оживилась деятельность литературоведов и критиков республики. В журналах и газетах появляются интересные статьи. Издан критико-биографический очерк С. Кырабаева «Габден Мустафин», книга Х. Суяноналиева о прозе Абая. Некоторые проблемы истории казахской до-революционной прозы и романа рассматривает в своей брошюре Б. Шалабаев...

Сегодня мы рассказываем о нескольких новых произведениях писателей Казахстана.

«СЕРДЦЕ АЛТАЯ»

Поэт Д. Абишев выступил в жанре, новом для казахской поэзии и не особенно распространенном во всей нашей поэзии, — он написал роман в стихах «Сердце Алтая»...

Только-только окончилась гражданская война. Рудюкы Алтая, всего несколько лет назад гнувшие спины на иностранных хозяев, восстанавливают разрушенные шахты Риддера, чтобы сохранили «недр земли родной» пользовавшая Страна Советов. Делегация алтайских рабочих побывала у Ленина, получила его поддержку, — с этой встречи и начинается роман Д. Абишева.

Материал, выбранный автором, давал возможность показать двадцатые годы с их героическими трудовыми буднями, раскрыть образы рабочих, еще недавно отстававших завоевания Октябрьской революции в руках и готовых так же беззаветно отстаивать их трудовую.

В романе есть несомненные успехи. Убедительна судьба мужественной казахской женщины Зейнеп. Вдова заживо погребенного в руднике рабочего Саята, сама познавшая, как тяжел подневольный труд, она нашла в себе силы для активного участия в новой жизни. Пишет о ней автор просто, тепло, несприятельно, как о близком друге, и ее образ четко вырисовывается перед взором читателя. Вот она глубокой ночью, после утомительного дня, ввязавшись за письмо к сыну:

И Зейнеп, раскрывши дочкуню тетрадь, строчку вывела:
«Луша моя, Есей...»
С непривычки не легко Зейнеп писать;
буквы вроде разбежались гусей.
Стерла строчку, вновь ввязалась за карандаш, потянула непокорную строчку...

Интересно намечен образ самого Есея. Его, сего

В Казахстане опубликовано

Роман о народном искусстве

В октябре 1925 года, когда Казахская республика отмечала свое пятилетие, было решено создать первый казахский театр. Мысль эта вскоре была претворена в жизнь. В труппу театра вошли народные певцы и актеры, те, кто раньше ходил по аулам с домброю в руках: Калибек Куанышбаев и Елюбай Мурзаков, талантливые певец Амре Кошаубаев, популярный в народе поэм-импровизатор Иса Байзақов.

Так началась история казахского сценического искусства. О приобщении казахского зрителя к этому искусству, о жизни создателей театра рассказывает новый роман Николая Анова «Крылья песни», опубликованный в этом году в журнале «Советский Казахстан».

Н. Анова читатели знают давно. Больше тридцати лет он живет и работает в Казахстане. Его творческая манера, его стиль своеобразны, индивидуальны. Он находит свои интонации, свою форму отражения действительности, описания фактов. И, главное, он глубоко вникает в существо того, о чем пишет.

В романе «Крылья песни» Н. Анова ждали особые трудности. Он писал произведение историческое и вместе с тем почти современное: двадцатье годы — это совсем недавнее прошлое.

С одной стороны, как будто бы и легко писать о том, что сам пережил и хорошо знаешь, а с другой стороны, — это и сложнее: нелегко выбрать самое существенное, не поддаться хроникальности, описательности. Кое-где у Н. Анова эта хроникальность есть, но, к счастью, не она стала определяющей чертой в книге.

«Крылья песни» — это книга о судьбе таланта в новом, социалистическом обществе, о воздействии новых социальных условий и среды на эту судьбу, о крыльях новой народной славы.

Эти крылья высоко поднимают главных героев книги Мусу Байзақова и Амре Кошаубаева. В образе Мусы Байзақова легко угадывается Иса Байзақов. Но «Крылья песни» — отнюдь не жизнеописание нескольких известных представителей казахского искусства. Нет, и Амре, и особенно Муса — действительно художественные образы, в них воплощены черты передовых людей новой казахской интеллигенции, видящей главную задачу своей жизни в честном служении народу.

Чтобы показать человека искусства, показать его увлеченность своим делом, нужно раскрыть суть его творческого труда, то, чему посвятил он свою жизнь.

Выполнил ли Н. Анов, как писатель, эту трудную, но благородную задачу? Да, выполнил, и сделал это без фальши и перегибов, в свободном сюжетном повествовании.

Мы хотели бы возразить тем критикам, которые утверждают, что основное в сюжете романа — передел сенокосов — это

лишь один из эпизодов романа. Он, как и другие, сюжетно подчинен выраженной главной теме. А эта тема — борьба двух идеологий, двух взглядов на искусство.

Роман Н. Анова очень насыщен, в нем много линий. Страстная любовь Мусы к Бике, описание глубокой личной драмы Бике, убийство аулора Наймена, столкновение Мусы с баем Саенком и песенное состязание Мусы со старым продавцом акыном Саидхаме, любовь девушки Шарбан к Мусе, темные дела Мингаша-Найя, беговардейского офицера, — и почти во всем этом мы слышим звучание главной темы.

Несколько выпадает из общего строя романа, пожалуй, лишь история Мингаша. Это образ, задуманный очень интересно. В начале книги мы видим в нем лишь врага — хитрого, вероломного, подлого. Он — орудие в руках бае Саенка, наемный убийца, зарезавший аулора. Но потом Мингаша начинают одолевать сомнения: он отказывается служить Саенку и скрывается.

Введя в роман для занимательности детективную линию, автор не развил ее до конца последовательно, видимо, потому, что она грозила заслонить собой главное, слишком разрасталась. И Н. Анов вынужден был на скорую руку распрощаться с Мингашем, образ которого тоже перерастал намеченные для него рамки.

Конечно, такие недочеты легко поправимы. И, видимо, автор устранил их, прежде чем издал «Крылья песни» отдельной книгой. В целом же роман о людях, своим искусством помогающих преуспевать, изменять жизнь, — несомненная удача автора.

Нужна правда характеров

Повесть казахского писателя Зейна Шашкина «Наступило утро» посвящена гражданской войне в Казахстане. Первые страницы читаешь с напряженным вниманием. Сталиваются интересные, на первый взгляд непримиримые, возникают конфликты, требующие немедленного разрешения. Но постепенно внимание слабеет. Малоэтапом, необычно вдруг сменяется хорошо известными, где-то в какой-то книге читанными. Конфликты остаются новыми, ситуация необычными, история своеобразной, а люди, которые действуют в повести, оказываются давно знакомыми. Здесь и коварный мулла, и перелетный агент иностранной разведки, и гордая девушка из народа, и мудрый акын, и много других давно знакомых персонажей.

З. Шашкин писал о сложных путях гражданской войны в стране с разнонациональным населением. Не будем говорить, насколько исторически точно и полно изображены реальные события. Скажем о другом. Автор, видимо, хотел, чтобы каждый персонаж нес определенную «социальную нагрузку». Об этом он позаботился, а человеческое своеобразие своих героев показал не совсем, белло. Между характером персонажа и его позицией в революции психологической связи нет.

З. Шашкин не сумел создать социальных характеров, для историко-революционной повести — необычного прежде всего.

Главного героя Саха Сагатов, — по замыслу автора, активного, убежденного и знающего коммуниста, — действующим мы почти не видим. Мы встречаем Сагатов, говорящего, беспрерывно излагающего свою точку зрения. Меняется только его аудитория, а он все тот же: говорит, говорит...

Отец Сагатова — Жунус, бывший участник восстания 1916 года, в 1917 году не по-



Рис. С. Романова к книге «Сокор небилди».

Люди преображают степь

Маленькая девочка, играя на берегу недавно построенного канала, спрашивает поэта: «Чья это река?» — «Твоя река», — отвечает ей поэт. — Твоя река, девочка. Это для тебя, для всех детей, для будущих поколений люди оживляют мертвые пустыни.

«Твоя река» назвал свою поему Хамид Ергалиев («Советский Казахстан», №5-6, 1956 г.). Поэт по-молодому влюблен в свою землю, в ее людей — своих героев:

Любуюсь из окна рассветом,
И хочется, чтоб сам Абая
Бессмертным голосом поэта
Воспел свой обновленный край.

Перевод Л. Кришчинова



Казахский народ рассказывает веселую сказку о том, как бедный мальчик-сирота пережил богатого баю. Поговору мальчик должен был расказать баю сокор небилди. Так и в сказке называется — «Сокор небилди». Она недавно издана Казахгосиздатом. Иллюстрация к книге сделана молодым казахским художником Сахи Романовым.

Люди преображают степь

Во многих произведениях каналы строились и строятся с удивительной быстротой: не работа, а сплошной праздник. Герои Х. Ергалиева заняты тяжелым трудом в зной и в морозы. Нелегка и личная судьба Гульжан, главной героини. Изменился, занался, стал клеветником муж, преждевременно и недостаточно обдуманным выдвинутый на руководящую работу. Новое горе: в такое трудное время умирает мать.

Хорошо, что автор уделил много места переживаниям Гульжан, но, должно быть, смущенный критикой в адрес «производственных романов», он как бы хотел показать героиню в настоящем труде, в творческой деятельности. Из отрывочных эпизодов трудно даже догадаться о профессии Гульжан — то ли она агроном, то ли меллиоратор.

Жанр поэмы не случайно все шире распространяется в многонациональной советской литературе. Он дает возможность в эпической форме рассказать о великих свершениях народа, а с другой стороны, средствами лирики глубоко проникнуть в души людей. Эти две стороны отличают и поэму Х. Ергалиева. Не все удалось в произведении, но большая часть недостатков — это от освоения но-

вой для казахской литературы тематики.

Впрочем, есть недостатки, которые общи из казахского поэта с его коллегами из других республик. Речь идет об образе секретаря райкома Айболота. Айболот, конечно, не спит ночами, успеваешь читать романы, «все (все) знает лучше вас», к тому же в его кабинете «ковры и кресел мягких нет» (мягкие кресла — это несомненный признак бюрократизма; посетителям, видимо, удобнее сидеть на жестких стульях). Подобные внешние признаки, естественно, не могут вдохнуть жизнь в образ.

В. РЕВИЧ

Строже!

Сборник стихов Андрея Семенова «Северо-Восток» открывается поэмой «Черский». Это хороший лирический рассказ о героическом исследователе Колымки Иване Черском. Да, такие люди заслуживают поэм, и А. Семенову с большим мастерством удалось передать это бескорыстный, подвижнический пафос, который вдохновлял этого тяжело больного и тем не менее неутомимого человека.

Я знаю, где сердца, как флаги,
Как звезды крупные в ночи,
Они — источники отваги.
Борьбы и мужества ключи.

Блестящие поэмы, «Слово о мечте» и «Покорители Севера», своим все усиливающимся однообразием вызывают чувство некоторого разочарования. Но все же в «Покорителях Севера» одаренный поэт доносит до читателя романтику труда геологов, красоту необъятных сибирских просторов.

Внимание ослабевает, когда после поэм А. Семенова начинаешь читать его стихи. Дело не в том, что большая часть их тоже посвящена Северу, — в стихотворениях отсутствуют свежие поэтические мысли. Данным-давно знакомые мотивы используются и в «Гавайской балладе», и в «Балладе об огненном флаге», и в «Балладе о сердце», и в «Балладе о старом партизане». От «баллады» не отличаются и чисто лирические произведения. «С ветел сыплется сережки...», «В наш удивительный лес...», «Вдохнуть ли тополи густые...» — в лучшем случае это перемены самого себя. Радостное исключение — оригинальная по сюжету баллада «Перевал Подумаю».

При составлении сборника поэт не проявил должной требовательности. Тут обратная пропорциональность: чем тоньше был бы сборник, тем лучшее сложилось бы впечатление...

Всеволод ВАР

Первая казахская эпопея

Мухтар Ауэзов закончил последнюю книгу цикла романов об Абая. Первые две книги составили роман «Абай», широко известный советскому читателю. В нем рассказано о юношеских и зрелых годах выдающегося казахского поэта и просветителя Абая Куанышбаева, о годах, полных противоречий, исканий, побед и поражений в борьбе за интересы народа. Следующий роман назван «Путь Абая». В первой его части, уже несколько лет назад вышедшей на русском языке, писатель показал своего героя в пору, когда он выступил как крупнейший мыслитель и общественный деятель, как поэт исключительной силы и самобытности.

В этих книгах широко отображены жизнь казахского народа, его история, культура, надежды и чаяния в прошлом, борьба за светлое будущее, его нравы, обычаи, традиции, картины природы казахских степей во всем их многообразии и величии.

На фоне громадных социальных изменений, потрясших старый уклад жизни в казахской кочевой степи, автор полно и точно раскрывает внутренний мир своих героев. Именно через этот многогранный внутренний мир героев, через их психологические состояния обрисовывается характер происходящих событий. Такое отражение частного в общем и общего в частном делает роман Ауэзова исключительно целостным полотном, значительной, существеннейшей частью которого и является вторая книга «Путь Абая», завершающая эпопею. М. Ауэзов рассказывает в ней о последнем десятилетии жизни Абая.

В новой книге эпопеи Мухтар Ауэзов разоблачает невежество, изверство деятелей и вдохновителей ислама, разоблачает с такой беспощадной правдивостью и полнотой, какие, пожалуй, в литературе Средней Азии и Казахстана встречались только у Айна. В первой главе романа Абая приезжает из аула в Семипалатинск, чтобы проводить своего сына Абиша, офицера русской службы, уезжающего в город Верный. В городе Абай встречает страшную эпидемию холеры, уносящую ежедневно многие и многие жизни. Невестственные, фанатичные муллы, захватив, имамы проповедуют покорность воле аллаха, побуждая людей нарушить заветы, и этим, по существу, препятствуют борь-

бе с болезнью и способствуют увеличению смертности. Клянутся религии, о которой народ сложил поговорку «Бык жиреет на соломе, а мулла — на покойниках», беспочвенно лишь одно: чтобы родственники умерших не устраивали похороны без участия муллы.

По совету своего друга, русского священника Павлова и его жены, врача Александры Яковлевны Абая стремятся разъяснить населению необходимость бороться с распространением болезни, рассказывают людям, какие санитарные правила нужно соблюдать. На пристани, на базарах он говорит с народом о том, что обязательные поминки с духовенством приносят вред, ибо способствуют распространению заразы, что не нужно непременно дожидаться прихода муллы: над усопшим может помолиться любой человек, знающий молитву. Эти речи Абая приводят всю религиозную знать в ярость: муллы и имамы спешат объявить Абая отступником; духовного учителя Сармоллу, полагавшего Абая в его агитации, по наущению фанатичного духовенства зверски убивают. Когда же сторонники Абая хотят разоблачить убийц, служители культа, стремясь избежать ответственности за убийство, объявляют смерть Сармоллы испустильной жертвой, необходимой будто бы по законам шариата для того, чтобы эпидемия кончилась. Через трагическую участь Сармоллы особенно впечатляюще раскрывается изуверская сущность темных и страшных сил мусульманства, борьба с которыми приносит Абаю много горя и печали.

Нравом своим героем Абая, раскрыв в его образе судьбу казахского народа, его творческую и нравственную силу, Мухтар Ауэзов переносит в этот действенный своего романа из далеких аулов, ведущих кочевой образ жизни, в город с его шумной торговлей, нестройным населением, ярко выраженным классовым расслоением — купцы и промышленники на одном полюсе, рабочие и полуполучившие ремесленники, поденщики — на другом. Немущие казахи, ставшие в городе рабочими затопа, грузчиками, нередко протягивают теперь руку братской помощи угнетенным простым людям степи, защищая их от феодалов.

Так, преследуемые степным деспотом Урабаем, влюбленные Дармен и девушка Макен находят у рабочих города защиту и поддержку. Макен помоя-

общность их социальных интересов, оказывается, и среди них происходят тайные сговоры, жетоны стачки, жестокости. Истории слова Урабая, дышащего ядом, сменяются пленительной трогательными мольбами девушки Макен, ищущей защиты своей любви у русского закона. Изворотливый, замысловатые обороты речи Жиренше, замысловатые философские размышления Абая, полные глубокого подтекста; изощренные слова мулл, щедро уснащенные арабскими, встречают осмеяние в устах простого казаха с его порой грубоватым, но образным языком.

Последняя книга ауэзовской эпопеи более насыщена философским подтекстом, я бы сказал, духом публицистики, чем первые книги этой эпопеи. Теперь Абая выступает как престолярный борец, много переживший и уже усталый, возлагающий все свои надежды на новое поколение. Поэтому-то многие страницы последнего книги отведены внутренним монологам поэта-мыслителя, сражающегося один на один «против тьмы невежд».

В большой работе Ауэзова, разумеется, можно найти и погрешности языка, и другие недостатки. Недописанными кажутся, например, образы русских толкательных героев. Они лишены той живой характерности, которая отличает лучшие образы эпопеи. Таков уже упоминавшийся нами Павлов, — он очень декларативен, схематичен, да и проявляет себя только в разговорах. Нет, нет, и дадут о себе знать длинноты авторского повествования, подчас довольно утомительные.

Надо надеяться, что при следующем издании своего большого труда Мухтар Ауэзов еще раз пристально взглянет на всю ткань своего большого полотна, чтобы в нем не было ничего лишнего, неорганичного. В этом смысле не следует, конечно, пренебрегать возможностью авторской доработки книги и при ее переводе на русский язык.

Такем АЛИМКУЛОВ

Молодому поэту

В журналах «Алдыбет» и «Советский Казахстан» регулярно ведутся отзывы о поэзии. Там часто печатаются карикатуры, литературные пародии, эпиграммы, дружеские шутки. Некоторые из них актуальны не только для литературы Казахстана. Хорошая мысль, адресованная литературной смене, высказана в пяти коротких стихах А. Брагинича.

Пусть на каждом заседании
Твои молодые заявят лета...
Знай — молодость не оправданье

Ошибкам, срывам
И шатаниям,
А преимуществу поэта.

О некоем таланте

Нелюбо сказать в своей эпиграмме Мих. Пастушенко
о некоем таланте, еще встречающемся и, к сожалению,
территориально не ограниченном.

Суровый критик успокойся!
«Крипсы!»
Талант свое возьмет!»

Но вот беда:
«Талант» берет
По преимуществу... чужое.

Профсоюзные рэкетеры



Так американская печать изображает взаимоотношения между «большим бизнесом» и Белым домом...



По какому праву вы сопротивляетесь поджогу вашего дома?



КуклуКСКЛАНОВЕЦ — НЕГРИТАНСКОМУ ШКОЛЬНИКУ: — К чему вам образование? Предоставьте это нам!

«Народ Египта! Твоя борьба — это наша борьба!»

Утуй Татанг СОНТАНИ, писатель. Агрессия в отношении Египта снова напомнила нам о нападениях голландских империалистов на Индонезию...

Англо-франко-израильская агрессия против Египта вызывает всеобщее возмущение и осуждение в Индонезии. Общественное мнение страны...

Хайрул САЛЕХ, общественный деятель, сотрудник газеты «Берита Индонезия». Для нас, индонезийцев, нападение Англии, Франции и Израиля на Египет...

2. Что означает для египетского народа приход чужеземных армий? Лучше от этого стало народу или хуже? Ответ на первый вопрос ясен без лишних слов...

Мохаммад САНД, руководитель школы «Таман сиса» в Джикарте. Будучи по своему мировоззрению последователем Ганди, я всегда ненавидел войну...

Сутан Мухаммад ШАХ, писатель. Да покажет всемогущий господь англо-французских агрессоров!

Ривэй АПИН, писатель. Для меня совершенно ясно, что агрессия Англии и Франции в Египте — очередная попытка империалистов возродить колониализм...

Анас МА'РУФ, писатель. Нападение Англии, Франции и Израиля на Египет представляет собой угрозу всему миру!

А. А. МУРТАДО, редактор молодежного еженедельника «Суара ансор». Человечество, перенесшее тяготы опустошительных войн, стремится к мирной жизни...

Сумармади, заместитель генерального директора РПИ (Радио Республики Индонезия). Как бы ни пытались Израиль, Англия и Франция оправдать свое нападение на Египет...



Джикарта. Перед входом в отель «Дарма нирманла»...

Мое отношение к проблеме разоружения

С самого начала движения в защиту мира вопрос о разоружении являлся его центральной проблемой. Первый документ канадского движения за мир в декабре 1948 года...

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции в издательстве: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета)...

ОСТОРОЖНО — ШЕПЛИ!

Джеймс Шепли — руководитель Вашингтонского бюро двух крупнейших американских изданий, журналов «Тайм» и «Лайф»...

«Первое впечатление, вынесенное западными путешественниками, приезжающими в Советский Союз... брызжет ненавистью Шепли»...

«Немногие галстуки и пиджаки, встречающиеся в Советском Союзе... без тени смущения на строчил он...»

Джеймс Шепли действует по старому методу лгунов: «клеветничать, клеветить, что-нибудь да оставить». Однако у честного человека...

Безрадостная старость

«Мы можем купить подержанную одежду... под таким заголовком английская газета «Дейли уоркер» опубликовала...

«Рост цен на продукты питания», — пишет корреспондент, — сильно ударил по ним. Они уже не обращают внимания на растущие цены на одежду...

Израили вас когда-нибудь члены профсоюза председатели? Нет. Опубликовал ли ваш филиал финансовый отчет за прошлый год? Нет...

Израили вас когда-нибудь члены профсоюза председатели? Нет. Опубликовал ли ваш филиал финансовый отчет за прошлый год? Нет...

Израили вас когда-нибудь члены профсоюза председатели? Нет. Опубликовал ли ваш филиал финансовый отчет за прошлый год? Нет...



— Послушай, уж если обед мы все равно видим только на картине, то почему бы тебе не прибавить туда парочку бишкетов?..

Рисунок художника Каммерин из итальянской газеты «Газета».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН...